

РУССКИЙ ОХОТНИЧИЙ РАССКАЗ

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

РУССКИЙ ОХОТНИЧИЙ РАССКАЗ

Москва • 2019

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6
КТК 610
Р 89

Составители Вадим Левенталь и Елена Васильева

Р 89 **Русский** охотничий рассказ : [сборник]. — М. : Флюид ФриФлай, 2019. — 288 с. — (Книжная полка Вадима Левенталья).

В книге собраны рассказы об охоте — как классиков русской литературы, так и наших современников, как всемирно признанных знаменитостей, так и писателей, о которых широкая публика знает мало. Сборник позволяет проследить историю жанра охотничьего рассказа за двести лет его существования в русской литературе.

Разумеется, вместить в один том всю посвященную охоте литературу невозможно. Составители постарались, однако, собрать под этой обложкой самые яркие образцы жанра и вместе с тем показать, сколь велико разнообразие внутри этой прекрасной и до сих пор живой традиции.

ISBN 978-5-906827-65-4

© В. Авченко, 2019
© П. Крусанов, 2019
© М. Пришвин (наследники)
© В. Ремизов, 2019
© А. Снегирев, 2019
© Г. Соловьев, 2019
© М. Тарковский, 2019
© ИД «Флюид ФриФлай», 2019
© П. Лосев, оформление, 2019

Сергей Аксаков

СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ

Часто случается в охоте, что именно того не находишь, чего ищешь, и наоборот: получаешь драгоценную добычу там, где об ней и не помышляешь. Много раз ездил я с другими охотниками на охоту за волками с живым поросенком, много раз караулил волков на привадах¹, много раз подстерегал тех же волков из-под гончих, стоя на самом лучшем лазу из острова, в котором находилась целая волчья выводка, — и ни одного волка в глаза не видал. Но вот что случилось со мной в молодости. Это было в 1811 году, 21 сентября. Поехал я рано утром стрелять тетеревов и вальдшнепов. День был пасмурный, и по временам моросил мелкий дождь. Я убил трех вальдшнепов и пять тетеревов, которые еще не составились, мало садились и недолго сидели на деревьях, да к тому же и ветер сгонял их. Проездив часов до одиннадцати и возвращаясь домой, я хотел выстрелить во что-нибудь, чтоб разрядить ружье, заряженное средней утиной дробью, то есть 4-м номером. Несколько раз подъезжал я к беркуту (степной орел), необыкновенно смиренному, который перелетал с сурчины на сурчину; два раза подъезжал я в меру, но ружье осекалось (оно было с кремнем); наконец, у самой деревенской околицы вздумал я завернуть на одно маленькое родниковое озеро, в котором мочили ко-

¹ Привада — приманка (здесь и далее — прим. ред., если не указано иное).

нопли и на котором всегда держались утки. Только что я своротил с дороги и стал спускаться к уреме¹, как вдруг кучер мой, как-то оглянувшись назад, закричал: «Волки, волки!» — и осадил лошадей. Я обернулся: два волка неслись прямо на нас за двумя молодыми собаками, которые были со мною на охоте. Я сидел верхом на дрожках, но проворно перекинулся назад, лицом к запяткам, снял ружье, висевшее у меня за спиной, и развязал платок, которым был обернут замок, потому что шел мелкий дождичек. В самую эту минуту передний волк, гнавшийся по пятам за собакой, наскочив на самые дрожки, отпрыгнул и шагах в двадцати остановился, почти боком ко мне. Я мгновенно прицелился и выстрелил: волк взвизгнул, подпрыгнул от земли на аршин и побежал прочь, другой пустился за ним; собаки спрятались под дрожки; лошади почували волков и подхватили было нас, но кучер скоро их удержал. Волки исчезли в небольшом, но крутоберегом вражке, называемомся и теперь Антошкин враг. Остановив лошадей, я зарядил поскорее своего испанца (так называлось мое любимое ружье) картечью, заряд которой как-то нашелся у меня в патронташе, и поскакал вслед за волками. Шагах в пятидесяти, в глубине вражка, один волк лежал, по-видимому, мертвый, а другой сидел подле него; увидев нас, он побежал прочь и, отбежав сажен сто, сел на высокую сурчину. Я, удостоверившись, что стрелянный волк точно издох, лег подле него во вражке, а кучеру велел уехать из виду вон, в противоположную сторону; я надеялся, что другой волк подойдет к убитому, но напрасно: он выл, как собака, перебежал с места на место, но ко мне не приближался. Я вышел из моей засады, кликнул кучера и попробовал подъехать к волку; но он, не убегая прочь, держался в дальнем расстоянии. Делать было нечего, я остановился, положил ружье на одно из задних колес и выстрелил: мера

¹ Урема — растущий в пойме реки густой лиственный лес с высокотравьем и тростником, а также таежный лес.

была шагов на полтора. Вероятно, картечь слегка задела волка, потому что он сделал прыжок и скрылся. Я воротился к убитому волку. Все это время я был в каком-то забытьи, тут только опомнился и пришел в такой восторг, какого описать не умею и к какому может быть способен только двадцатилетний горячий охотник. Убить волка, поехав стрелять вальдшнепов и тетеревов, возвращаясь домой, у самой околицы, без всяких трудов, утиной дробью, из ружья, которое перед тем осеклось два раза сряду... только охотники могут понять все эти обстоятельства и оценить мою тогдашнюю радость! И какой волк! Самый матерой, даже старый! Трудно было взвалить убитого зверя на дрожки, потому что лошади не стояли на месте, храпели и шарахались, слыша волчий дух; но, наконец, кое-как я перевалил волка поперек дрожек и привез в торжестве домой мою добычу. Полдеревни и вся дворян сбегались на такое зрелище, потому что мы с кучером кричали как сумасшедшие и звали всех смотреть застреленного волка. Рассказав не менее ста раз, всем и каждому, счастливое событие со всеми его подробностями, я своими руками стащил волка к старому скорняку и заставил при себе снять с него шкуру. Я положил волку двадцать четыре дробины под левую лопатку. Волк был необыкновенно велик и сыт; в одной его ноге нашли два железных жеребья, давно заросшие в теле. Очевидно, что он был стрелян. Желудок его оказался туго набит свежим свиным мясом вместе со щетиной. По справке открылось, что в это самое утро эти самые волки зарезали молодую свинью, отбившуюся от стада. И теперь не могу я понять, как сытые волки в такое раннее время осени, среди дня, у самой деревни могли с такой наглостью броситься за собаками и набежать так близко на людей. Все охотники утверждали, что это были *озорники*, которые *озоруют* с жиру. В летописях охоты, конечно, можно назвать этот случай одним из самых счастливейших.

Иван Тургенев

ЛЬГОВ

— Поедемте-ка в Льгов, — сказал мне однажды уже известный читателям Ермолай, — мы там уток настреляем вдоволь.

Хотя для настоящего охотника дикая утка не представляет ничего особенно пленительного, но, за неимением пока другой дичи (дело было в начале сентября: вальдшнепы еще не прилетали, а бегать по полям за куропатками мне надоело), я послушался моего охотника и отправился в Льгов.

Льгов — большое степное село с весьма древней каменной одноглавой церковью и двумя мельницами на болотистой речке Росоте. Эта речка верст за пять от Льгова превращается в широкий пруд, по краям и кое-где посередине заросший густым тростником, по-орловскому — майером. На этом-то пруде, в заводях или затишьях между тростниками, выводилось и держалось бесчисленное множество уток всех возможных пород: кряковых, полукряковых, шилохвостых, чирков, нырков и пр. Небольшие стаи то и дело перелетывали и носились над водою, а от выстрела поднимались такие тучи, что охотник невольно хватался одной рукой за шапку и протяжно говорил: фу-у! Мы пошли было с Ермолаем вдоль пруда, но, во-первых, у самого берега утка, птица осторожная, не держится; во-вторых, если даже какой-нибудь отсталый и неопытный чирок и подвергался нашим выстрелам и лишался жизни, то достать его из сплошного

майера наши собаки не были в состоянии: несмотря на самое благородное самоотвержение, они не могли ни плавать, ни ступать по дну и только даром резали свои драгоценные носы об острые края тростников.

— Нет, — промолвил, наконец, Ермолай, — дело неладно: надо достать лодку... Пойдемте назад в Льгов.

Мы пошли. Не успели мы ступить несколько шагов, как нам навстречу из-за густой ракиты выбежала довольно дрянная легавая собака, и вслед за ней появился человек среднего роста, в синем сильно потертом сюртуке, желтоватом жилете, панталонах цвета гри-де-лень или блё-д-амур¹, наскоро засунутых в дырявые сапоги, с красным платком на шее и одноствольным ружьем за плечами. Пока наши собаки, с обычным, их породе свойственным, китайским церемониалом, снюхивались с новой для них личностью, которая, видимо, трусила, поджимала хвост, закидывала уши и быстро перевертывалась всем телом, не сгибая коленей и скаля зубы, незнакомец подошел к нам и чрезвычайно вежливо поклонился. Ему на вид было лет двадцать пять; его длинные русые волосы, сильно пропитанные квасом, торчали неподвижными косицами, — небольшие карие глазки приветливо моргали, — все лицо, повязанное черным платком, словно от зубной боли, сладостно улыбалось.

— Позвольте себя рекомендовать, — начал он мягким и вкрадчивым голосом, — я здешний охотник Владимир... Услышав о вашем прибытии и узнав, что вы изволили отправиться на берега нашего пруда, решился, если вам не будет противно, предложить вам свои услуги.

Охотник Владимир говорил, ни дать ни взять, как провинциальный молодой актер, занимающий роли первых любовников. Я согласился на его предложение и, не дойдя

¹ Французские обозначения оттенков серого цвета: gris de lin — розовато-серый; bleu d'amour — голубовато-серый.

еще до Льгова, уже успел узнать его историю. Он был вольноотпущенный дворовый человек; в нежной юности обучался музыке, потом служил камердинером, знал грамоте, почитывал, сколько я мог заметить, кое-какие книжонки и, живя теперь, как многие живут на Руси, без гроша наличного, без постоянного занятия, питался только что не манной небесной. Выражался он необыкновенно изящно и, видимо, щеголял своими манерами; волокита тоже, должно быть, был страшный и, по всем вероятностям, успевал: русские девушки любят красноречие. Между прочим, он мне дал заметить, что посещает иногда соседних помещиков, и в город ездит в гости, и в преферанс играет, и с столичными людьми знается. Улыбался он мастерски и чрезвычайно разнообразно; особенно шла к нему скромная, сдержанная улыбка, которая играла на его губах, когда он внимал чужим речам. Он вас выслушивал, он соглашался с вами совершенно, но все-таки не терял чувства собственного достоинства и как будто хотел вам дать знать, что и он может, при случае, изъяснить свое мнение. Ермолай, как человек не слишком образованный и уже вовсе не «субтильный», начал было его «тыкать». Надо было видеть, с какой усмешкой Владимир говорил ему: «Вы-с...»

— Зачем вы повязаны платком? — спросил я его. — Зубы болят?

— Нет-с, — возразил он, — это более пагубное следствие неосторожности. Был у меня приятель, хороший человек-с, но вовсе не охотник, как это бывает-с. Вот-с в один день говорит он мне: «Любезный друг мой, возьми меня на охоту: я любопытствую узнать — в чем состоит эта забава». Я, разумеется, не захотел отказать товарищу; достал ему, с своей стороны, ружье-с и взял его на охоту-с. Вот-с мы как следует поохотились; наконец вздумалось нам отдохнуть-с. Я сел под деревом; он же, напротив того, с своей стороны, начал выкидывать ружьем артикул-с, причем целился в меня. Я попросил его перестать, но, по неопытности своей, он не по-

слушался-с. Выстрел грянул, и я лишился подбородка и указательного перста правой руки.

Мы дошли до Льгова. И Владимир, и Ермолай, оба решили, что без лодки охотиться было невозможно.

— У Сучка есть дощаник¹, — заметил Владимир, — да я не знаю, куда он его спрятал. Надобно сбежать к нему.

— К кому? — спросил я.

— А здесь человек живет, прозвище ему Сучок.

Владимир отправился к Сучку с Ермолаем. Я сказал им, что буду ждать их у церкви. Рассматривая могилы на кладбище, наткнулся я на почерневшую четырехугольную урну с следующими надписями: на одной стороне французскими буквами: «*Ci gît Théophile Henri, vicomte de Blanguy*»²; на другой: «Под сим камнем погребено тело французского подданного, графа Бланжия; родился 1737, умре 1799 года, всего жития его было 62 года»; на третьей: «Мир его праху», а на четвертой:

Под камнем сим лежит французский эмигрант;
Породу знатную имел он и талант,
Супругу и семью оплакав избиянну,
Покинул родину, тиранами поправну;
Российския страны достигнув берегов,
Обрел на старости гостеприимный кров;
Учил детей, родителей покоил...
Всевышний судия его здесь успокоил...

Приход Ермолая, Владимира и человека с странным прозвищем Сучок прервал мои размышления.

Босоногий, оборванный и взъерошенный Сучок казался с виду отставным дворовым, лет шестидесяти.

¹ Плоская лодка, сколоченная из старых барочных досок (*прим. И. Тургенева*).

² «Здесь покоится Теофиль Анри, граф Бланжи» (*фр.*)

— Есть у тебя лодка? — спросил я.

— Лодка есть, — отвечал он глухим и разбитым голосом, — да больно плоха.

— А что?

— Расклеилась; да из дырьев клепки повывалились.

— Велика беда! — подхватил Ермолай. — Паклей заткнуть можно.

— Известно, можно, — подтвердил Сучок.

— Да ты кто?

— Господский рыболов.

— Как же это ты рыболов, а лодка у тебя в такой неисправности?

— Да в нашей реке и рыбы-то нету.

— Рыба не любит ржавчины болотной, — с важностью заметил мой охотник.

— Ну, — сказал я Ермолаю, — поди достань пакли и справь нам лодку, да поскорей.

Ермолай ушел.

— А ведь этак мы, пожалуй, и ко дну пойдем? — сказал я Владимиру.

— Бог милостив, — отвечал он. — Во всяком случае должно предполагать, что пруд не глубок.

— Да, он не глубок, — заметил Сучок, который говорил как-то странно, словно спросонья, — да на дне тина и трава, и весь он травой зарос. Впрочем, есть тоже и колдобины¹.

— Однако же, если трава так сильна, — заметил Владимир, — так и грести нельзя будет.

— Да кто ж на дощаниках гребет? Надо пихаться. Я с вами поеду; у меня там есть шестик, — а то и лопатой можно.

— Лопатой неловко, до дна в ином месте, пожалуй, не достанешь, — сказал Владимир.

¹ Глубокое место, яма в пруде или реке (прим. И. Тургенева).

— Оно правда, что неловко.

Я присел на могилу в ожидании Ермолая. Владимир отошел, для приличия, несколько в сторону и тоже сел. Сучок продолжал стоять на месте, повеся голову и сложив, по старой привычке, руки за спиной.

— Скажи, пожалуйста, — начал я, — давно ты здесь рыбаком?

— Седьмой год пошел, — отвечал он, встрепенувшись.

— А прежде чем ты занимался?

— Прежде ездил кучером.

— Кто ж тебя из кучеров разжаловал?

— А новая барыня.

— Какая барыня?

— А что нас-то купила. Вы не изволите знать: Алена Тимофевна, толстая такая... немолодая.

— С чего ж она вздумала тебя в рыболовы произвести?

— А бог ее знает. Приехала к нам из своей вотчины, из Тамбова, велела всю дворню собрать, да и вышла к нам. Мы сперва к ручке, и она ничего: не серчает... А потом и стала по порядку нас расспрашивать: чем занимался, в какой должности состоял? Дошла очередь до меня; вот и спрашивает: «Ты чем был?» Говорю: «Кучером». — «Кучером? Ну, какой ты кучер, посмотри на себя: какой ты кучер? Не след тебе быть кучером, а будь у меня рыболовом и бороду сбрей. На случай моего приезда к господскому столу рыбу поставляй, слышишь?..» С тех пор вот я в рыболовах и числюсь. «Да пруд у меня, смотри, содержать в порядке...» А как его содержать в порядке?

— Чьи же вы прежде были?

— А Сергея Сергеича Пехтерева. По наследствию ему достались. Да и он нами недолго владел, всего шесть годов. У него-то вот я кучером и ездил... да не в городе — там у него другие были, а в деревне.

— И ты смолоду все был кучером?

— Какое все кучером! В кучера-то я попал при Сергее Сергеиче, а прежде поваром был, — но не городским тоже поваром, а так, в деревне.

— У кого ж ты был поваром?

— А у прежнего барина, у Афанасия Нефедыча, у Сергея Сергеичина дяди. Льгов-то он купил, Афанасий Нефедыч купил, а Сергею Сергеичу именье-то по наследствию досталось.

— У кого купил?

— А у Татьяны Васильевны.

— У какой Татьяны Васильевны?

— А вот, что в запрошлом году умерла, под Болховым... то бишь под Карачевым, в девках... И замужем не бывала. Не изволите знать? Мы к ней поступили от ее батюшки, от Василья Семеныча. Она-таки долгонько нами владела... годиков двадцать.

— Что ж, ты и у ней был поваром?

— Сперва точно был поваром, а то и в кофишенки¹ попал.

— Во что?

— В кофишенки.

— Это что за должность такая?

— А не знаю, батюшка. При буфете состоял и Антоном назывался, а не Кузьмой. Так барыня приказать изволила.

— Твое настоящее имя Кузьма?

— Кузьма.

— И ты все время был кофишенком?

— Нет, не все время: был и ахтером.

— Неужели?

— Как же, был... на кеятре играл. Барыня наша кеятр у себя завела.

— Какие же ты роли занимал?

— Чего изволите-с?

— Что ты делал на театре?

¹ Кофешенк — смотритель за кофе, чаем, шоколадом.

— А вы не знаете? Вот меня возьмут и нарядят; я так и хожу наряженный, или стою, или сижу, как там придется. Говорят: вот что говори, — я и говорю. Раз слепого представлял... Под каждую веку мне по горошине положили... Как же!

— А потом чем был?

— А потом опять в повара поступил.

— За что же тебя опять в повара разжаловали?

— А брат у меня сбежал.

— Ну, а у отца твоей первой барыни чем ты был?

— А в разных должностях состоял: сперва в казачках находился, фалетором¹ был, садовником, а то и доезжачим².

— Доезжачим?.. И с собаками ездил?

— Ездил и с собаками, да убился: с лошадьё упал и лошадь зашиб. Старый-то барин у нас был престрогий; велел меня выпороть да в ученье отдать в Москву, к сапожнику.

— Как в ученье? Да ты, чай, не ребенком в доезжачие попал?

— Да лет, этак, мне было двадцать с лишком.

— Какое ж тут ученье в двадцать лет?

— Стало быть, ничего, можно, коли барин приказал. Да он, благо, скоро умер, — меня в деревню и вернули.

— Когда же ты поварскому-то мастерству обучился?

Сучок приподнял свое худенькое и желтенькое лицо и усмехнулся.

— Да разве этому учатся?.. Стряпают же бабы!

— Ну, — промолвил я, — видал ты, Кузьма, виды на своем веку! Что ж ты теперь в рыболовах делаешь, коль у вас рыбы нету?

— А я, батюшка, не жалуясь. И славу богу, что в рыболовы произвели. А то вот другого, такого же, как я, старика — Ан-

¹ Форейтор — при езде четверками или шестерками верховой, сидящий на одной из передних лошадей.

² Доезжачий — старший псарь, распоряжающийся борзыми и гончими на псовой охоте.

дрея Пупыря — в бумажную фабрику, в черпальную, барыня приказала поставить. Грешно, говорит, даром хлеб есть... А Пупырь-то еще на милость надеялся: у него двоюродный племянник в барской конторе сидит конторщиком: доложить обещался об нем барыне, напомнить. Вот те и напомнил!.. А Пупырь в моих глазах племяннику-то в ножки кланялся.

— Есть у тебя семейство? Был женат?

— Нет, батюшка, не был. Татьяна Васильевна покойница — царство ей небесное! — никому не позволяла жениться. Сохрани бог! Бывало, говорит: «Ведь живу же я так, в девках, что за баловство! чего им надо?»

— Чем же ты живешь теперь? Жалованье получаешь?

— Какое, батюшка, жалованье!.. Харчи выдаются — и то слава тебе, господи! много доволен. Продли бог века нашей госпоже!

Ермолай вернулся.

— Справлена лодка, — произнес он сурово. — Ступай за шестом — ты!..

Сучок побежал за шестом. Во все время моего разговора с бедным стариком охотник Владимир поглядывал на него с презрительной улыбкой.

— Глупый человек-с, — промолвил он, когда тот ушел, — совершенно необразованный человек, мужик-с, больше ничего-с. Дворовым человеком его назвать нельзя-с... и все хвастал-с... Где ж ему быть актером-с, сами извольте рассудить-с! Напрасно изволили беспокоиться, изволили с ним разговаривать-с!

Через четверть часа мы уже сидели в дощанике Сучка. (Собак мы оставили в избе под надзором кучера Иегудиила.) Нам не очень было ловко, но охотники народ неразборчивый. У тупого, заднего конца стоял Сучок и «пихался»; мы с Владимиром сидели на перекладине лодки; Ермолай поместился спереди, у самого носа. Несмотря на паклю, вода скоро появилась у нас под ногами. К счастью, погода была тихая, и пруд словно заснул.

Мы плыли довольно медленно. Старик с трудом выдерживал из вязкой тины свой длинный шест, весь перепутанный зелеными нитями подводных трав; сплошные круглые листья болотных лилий тоже мешали ходу нашей лодки. Наконец мы добрались до тростников, и пошла потеха. Утки шумно поднимались, «срывались» с пруда, испуганные нашим неожиданным появлением в их владениях, выстрелы дружно раздавались вслед за ними, и весело было видеть, как эти кургузые птицы кувыркались на воздухе, тяжело шлепались об воду. Всех подстреленных уток мы, конечно, не достали: легко подраненные ныряли; иные, убитые наповал, падали в такой густой майер, что даже рысьи глазки Ермолая не могли открыть их; но все-таки к обеду лодка наша через край наполнилась дичью.

Владимир, к великому утешению Ермолая, стрелял вовсе не отлично и после каждого неудачного выстрела удивлялся, осматривал и продувал ружье, недоумевал и, наконец, излагал нам причину, почему он промахнулся. Ермолай стрелял, как всегда, победоносно, я — довольно плохо, по обыкновению. Сучок посматривал на нас глазами человека, смолоду состоявшего на барской службе, изредка кричал: «Вон, вон еще утица!» — и то и дело почесывал спину — не руками, а приведенными в движение плечами. Погода стояла прекрасная: белые круглые облака высоко и тихо неслись над нами, ясно отражаясь в воде; тростник шушукал кругом; пруд местами, как сталь, сверкал на солнце. Мы собирались вернуться в село, как вдруг с нами случилось довольно неприятное происшествие.

Мы уже давно могли заметить, что вода к нам понемногу все набиралась в дощаник. Владимиру было поручено выбрасывать ее вон посредством ковша, похищенного, на всякий случай, моим предусмотрительным охотником у зазевавшейся бабы. Дело шло как следовало, пока Владимир не забывал своей обязанности. Но к концу охоты, словно на прощанье, утки стали подниматься такими стадами, что мы едва успева-

ли заряжать ружья. В пылу перестрелки мы не обращали внимания на состояние нашего дощаника, — как вдруг, от сильного движения Ермолая (он старался достать убитую птицу и всем телом налег на край), наше ветхое судно наклонилось, зачерпнулось и торжественно пошло ко дну, к счастью, не на глубоком месте. Мы вскрикнули, но уже было поздно: через мгновение мы стояли в воде по горло, окруженные всплывшими телами мертвых уток. Теперь я без хохота вспомнить не могу испуганных и бледных лиц моих товарищей (вероятно, и мое лицо не отличалось тогда румянцем); но в ту минуту, признаюсь, мне и в голову не приходило смеяться. Каждый из нас держал свое ружье над головой, и Сучок, должно быть, по привычке подражать господам, поднял шест свой кверху. Первый нарушил молчание Ермолай.

— Тьфу ты, пропасть! — пробормотал он, плюнув в воду, — какая оказия! А все ты, старый черт! — прибавил он с сердцем, обращаясь к Сучку. — Что это у тебя за лодка?

— Виноват, — пролепетал старик.

— Да и ты хорош, — продолжал мой охотник, повернув голову в направлении Владимира, — чего смотрел? чего не черпал? ты, ты, ты...

Но Владимиру было уж не до возражений: он дрожал, как лист, зуб на зуб не попадал, и совершенно бессмысленно улыбался. Куда девалось его красноречие, его чувство тонкого приличия и собственного достоинства!

Проклятый дощаник слабо колыхался под нашими ногами... В миг кораблекрушения вода нам показалась чрезвычайно холодной, но мы скоро обтерпелись. Когда первый страх прошел, я оглянулся; кругом, в десяти шагах от нас, росли тростники; вдали, над их верхушками, виднелся берег. «Плохо!» — подумал я.

— Как нам быть? — спросил я Ермолая.

— А вот посмотрим: не ночевать же здесь, — ответил он. — На, ты, держи ружье, — сказал он Владимиру.

Владимир беспрекословно повиновался.

— Пойду сыщу брод, — продолжал Ермолай с уверенностью, как будто во всяком пруде непременно должен существовать брод, — взял у Сучка шест и отправился в направлении берега, осторожно выщупывая дно.

— Да ты умеешь ли плавать? — спросил я его.

— Нет, не умею, — раздался его голос из-за тростника.

— Ну, так утонет, — равнодушно заметил Сучок, который и прежде испугался не опасности, а нашего гнева, и теперь, совершенно успокоенный, только изредка отдувался и, казалось, не чувствовал никакой надобности переменить свое положение.

— И без всякой пользы пропадет-с, — жалобно прибавил Владимир.

Ермолай не возвращался более часу. Этот час нам показался вечностью. Сперва мы перекликивались с ним очень усердно; потом он стал реже отвечать на наши возгласы, наконец умолк совершенно. В селе зазвонили к вечерне. Меж собой мы не разговаривали, даже старались не глядеть друг на друга. Утки носились над нашими головами; иные собирались сесть подле нас, но вдруг поднимались кверху, как говорится, «колом», и с криком улетали. Мы начинали костенеть. Сучок хлопал глазами, словно спать располагался.

Наконец, к неописанной нашей радости, Ермолай вернулся.

— Ну, что?

— Был на берегу; брод нашел... Пойдемте.

Мы хотели было тотчас же отправиться; но он сперва достал под водой из кармана веревку, привязал убитых уток за лапки, взял оба конца в зубы и побрел вперед; Владимир за ним, я за Владимиром. Сучок замыкал шествие. До берега было около двухсот шагов, Ермолай шел смело и безостановочно (так хорошо заметил он дорогу), лишь изредка покрякивая: «Левей, — тут направо колдобина!» или: «Правей, — тут налево завязнешь...» Иногда вода доходила нам до горла,

и раза два бедный Сучок, будучи ниже всех нас ростом, захлебывался и пускал пузыри: «Ну, ну, ну!» — грозно кричал на него Ермолай, — и Сучок карабкался, болтал ногами, прыгал и таки выбирался на более мелкое место, но даже в крайности не решался хвататься за полу моего сюртука. Измученные, грязные, мокрые, мы достигли, наконец, берега.

Часа два спустя мы уже все сидели, по мере возможности обсушенные, в большом сенном сарае и собирались ужинать. Кучер Иегудиил, человек чрезвычайно медлительный, тяжелый на подъем, рассудительный и заспанный, стоял у ворот и усердно потчевал табаком Сучка. (Я заметил, что кучера в России очень скоро дружатся.) Сучок нюхал с остервенением, до тошноты: плевал, кашлял и, по-видимому, чувствовал большое удовольствие. Владимир принимал томный вид, наклонял головку набок и говорил мало. Ермолай вытирал наши ружья. Собаки с преувеличенной быстротой вертели хвостами в ожидании овсянки; лошади топали и ржали под навесом... Солнце садилось; широкими багровыми полосами разбегались его последние лучи; золотые тучки расстилались по небу все мельче и мельче, словно вымытая, расчесанная волна... На селе раздавались песни.

Егор Дриянский

ЗАПИСКИ МЕЛКОТРАВЧАТОГО¹

(отрывок)

После обеда между охотниками начался жаркий спор с различными шутками, прибаутками и прочими вариациями. Стерлядкин отпускал остроты насчет Бацова и ловко над ним подтрунивал; последний возражал, горячился, отбранивался, но все это было у него как-то невпопад, как говорят — «не в строку». Меня одолевала дремота, но уснуть не было возможности, потому что волею-неволею я обязан был состоять в роли свидетеля и посредника.

— Ну, ты, скажи, пожалуйста, так ли это все было, как я говорил? — обращался ко мне Атукаев, рассказывая о подвиге Чауса.

Вслед за тем Бацов, в споре со Стерлядкиным и прочими, приступил ко мне с умоляющим видом: «Ну, вот ты, как сторонний человек, уверь их, пожалуйста» — т. п.

Правду сказать, не выдавши по дальности расстояния ничего, что делалось на той стороне котловины, я брал многое на совесть, но, не желая оставить в одиночестве бедного Луку Лукича, поддерживал его, сколько мог.

¹ Мелкотравчатыми, на охотничьем языке, называются те охотники, которые держат не более десяти собак и охотятся с ними без гончих — на хлопки (*прим. Е. Дриянского*).

Вскоре, однако же, этим разговорам положен был конец. Вошел стремянной¹ и доложил Атукаеву, что к нему припожаловал пастух Ерема.

— Ну, вот кстати; давай его сюда! — проговорил граф стремительно. — Вот вам, господа, и конец всем побасенкам, — прибавил он, обратясь к Бацову и Стерлядкину. — Верно, есть подозренный².

С этим словом в отворенную настежь дверь протиснулся необычайного вида человек. Ростом он был — косая сажень, лицом страшен, борода включена, в нечесаной голове торчали солома и ржаные колосья. Наряд его состоял из лаптей, посконных затасканных портов и побуревшего сермяжного полукафтаны с множеством заплат и отрепанными рукавами; под мышкой держал он баранью шапку, а в правой руке такую палицу, что ой-ой! При взгляде на это страшилище мне тотчас вспал на мысль Геснер³, с его Меналками, Дафнисами, Палемонами и со всею вереницею пригоженьких лиц, удержанных памятью из детского чтения. Поверх кафтана, от дождя, Ерема драпировался толстою неудобосгибающейся и не идущей в складки дерюгой, накинутой на плечи в виде гусарского ментика⁴.

Помолясь святым, Ерема поклонился всей честной компании, отшатнулся к притолке и загородил собой дверь.

— Что скажешь, Ерема? — начал граф.

— Русачка обошел, ваше графское сиятельство! — произнес Ерема таким голосом и тоном, по которому можно было

¹ Стремянной — конюх при всаднике, принимающий от него лошадь и подающий ему стремя.

² Подозритель — увидеть, заметить зверя на его лежке.

³ Геснер Саломон (1730–1788) — швейцарский поэт, автор произведений, изображающих условных пастухов и пастушек в галантном стиле.

⁴ Ментик — короткая накидка с меховой опушкой.

понять сразу, что этот страшный и неуклюжий детина был простейшее и добрейшее существо.

— Хорошо. А где лежит? На чистоте? Травить можно?

— Как же, батюшка! В Мышкинских зеленях¹, на мшищи². Трави — куды хошь. Матерой русачина; сулетошний³. Он самый, батюшка, безобманно...

— А, ну, если только он, так спасибо! Вот тебе за усердие, — граф подал ему целковый рубль, — а эти господа еще от себя прибавят. Только смотри, тот ли? Пожалуй, вместо его, ты насадишь собак на какого-нибудь настовика⁴! Как бы нам не сплеховать!

— Будьте в надежде, батюшка, ваше графское сиятельство, он самый; уж я к нему пригляделся: что ни день, почитай, видаю. И к скотине приобвык... энто, нарочно нагоню стадом, — только что ужимается, пес, да уши шулит⁵... лобанина такой...

— Ну, вот вам, господа, и делу конец! — сказал Атукаев Стерлядкину и Бацову. — Вот и увидим, чья возьмет. А уж русачок, рекомендую, распотешит дружков, если это лишь тот, которым я прошлый год потешался раз до трех. Так уж скажу наперед — одолжит! Будет за кем повозить воду! Ну, Лука Лукич?

— Что ж, пустяки, — отвечал Бацов, выпуская обильную затыжку дымом, но в этих как-то небрежно сказанных словах уже было заметно раздумье.

— Этак, пожалуй, мы, не долго думая, и на попятную... — прибавил Стерлядкин.

— У, щучья пасть! На попятную! Кто на попятную? Ты, что ли, пойдешь?

¹ Зелень — озимь, поле, засеянное озимыми.

² Мшищи — мхи, участок, обильно покрытый мхом.

³ Сулетошний — старый, в годах.

⁴ Настовик — молодой заяц, февральский или мартовик (*прим. Е. Дриянского*).

⁵ Шулить — прижимать.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Сергей Аксаков. Счастливый случай</i>	5
<i>Иван Тургенев. Льгов</i>	8
<i>Егор Дрянский. Записки мелкотравчатого (отрывок)</i>	21
<i>Лев Толстой. Война и мир (отрывок)</i>	48
<i>Павел Мельников-Печерский. В лесах (отрывок)</i>	71
<i>Николай Лихонин. Мой приятель Юшка</i>	80
<i>Флегонт Арсеньев. Переселенцы (отрывок)</i>	91
<i>Дмитрий Мамин-Сибиряк. На перевале</i>	104
<i>Дмитрий Марсальский. Обиженная теща</i>	119
<i>Иван Бунин. Ловчий</i>	140
<i>Михаил Пришвин. Анчар</i>	148
<i>Алексей Бондин. Иван Никифорыч</i>	156
<i>Геннадий Соловьев. Горький выстрел</i>	175
<i>Михаил Тарковский. Васька</i>	196
<i>Виктор Ремизов. Воля вольная (отрывок)</i>	209
<i>Василий Авченко. Хобби</i>	228
<i>Александр Снегирев. Выцелил, нажал, перезарядил</i>	242
<i>Павел Крусанов. Трещина в небе</i>	252
<i>Об авторах и текстах</i>	275

Еще в серии «Книжная полка Вадима Левенталя»

АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ ПРОХАНОВ

«Певец боевых колесниц»

В первой из представленных в книге повестей, «Певец боевых колесниц», описывается путешествие генерала Белосельцева по Царствию Небесному и его устройство. Во второй, «Священной роще», речь идет о заговоре против России группы магов-дендрологов.

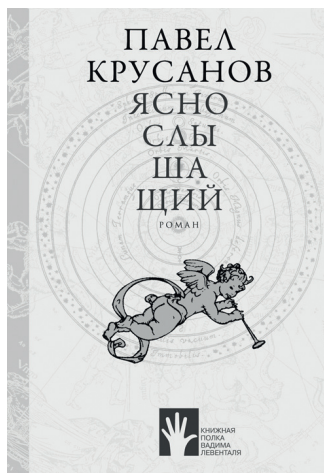
Две новые повести Александра Проханова написаны в духе пушкинской прекрасной ясности.

Интернет-магазин gorodets.ru

Еще в серии «Книжная полка Вадима Левенталья»

ПАВЕЛ КРУСАНОВ

«Яснослышащий»

Герою книги, человеку с феноменальным слухом, весь мир представляется единой симфонией — в самом музыкальном смысле слова. Подобно пифагорейцам древности, он уверен: гармония сфер и музыкальная гармония — вещи одного порядка и связаны между собой. Он пытается воссоздать и заново организовать творящие звуки, чтобы сделать матерью покорной своей воле. Так ли он неправ? И не виновен ли, в действительности, великий музыкальный реформатор Вагнер во всей последующей истории Германии?

Интернет-магазин gorodets.ru

Еще в серии «Книжная полка Вадима Левенталя»

ДЕНИС ГОРЕЛОВ

**«Игра в пустыки, или “Золото Маккены”
и еще 97 советских фильмов иностранного проката»**

В первой книге Дениса Горелова «Родина слоников» об истории страны, народа и культуры рассказывалось через призму истории советского кино. Новая книга выбирает другую оптику — иностранные фильмы, на которые валил толпами, которые любил и знал наизусть, на которых в конечном счете вырос советский человек.

Интернет-магазин gorodets.ru

Еще в серии «Книжная полка Вадима Левенталья»

СЕРГЕЙ ШИКЕРА

«Выбор натуры»

Главный герой книги — бывший кинорежиссер, которому вдруг выпадает шанс вернуться в профессию. Шанс, однако, оказывается призрачным, в отличие от неприятных, странных, сбивающих с толку обстоятельств, которые наваливаются на героя одно за другим. Само место действия романа, Одесса — оказывается не всем известным городом анекдотов, шаланд и кефали, а мерцающим, мистическим, едва ли не inferнальным пространством.

Интернет-магазин gorodets.ru

Литературно-художественное издание

Русский охотничий рассказ

12+

Художественный редактор *Павел Лосев*
Редактор *Елена Васильева*
Корректор *Антонина Семенова*
Компьютерная верстка *Наталии Ремизовой*

Подписано в печать 12.04.2018. Формат 60 x 90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл. печ. л. 18. Тираж 1000 экз. Заказ

ООО «ИД „Флюид ФриФлай“»
109382, Москва, ул. Краснодонская, д. 20, корп. 2
тел.: (985) 8000 366
www.fluidfreefly.ru
e-mail: info@fluidfreefly.ru, levental.bookshelf@gmail.com

Интернет-магазин: gorodets.ru

Сергей Аксаков
Иван Тургенев
Егор Дряинский
Лев Толстой
Павел Мельников-Печерский
Николай Лихонин
Флегонт Арсеньев
Дмитрий Мамин-Сибиряк
Дмитрий Марсальский
Иван Бунин
Михаил Пришвин
Алексей Бондин
Геннадий Соловьев
Михаил Тарковский
Виктор Ремизов
Василий Авченко
Александр Снегирев
Павел Крусанов

издательский дом

ФЛЮИД

FreeFly

ISBN 978-5906827-65-4

9 785906 827654

12 +